

Игорь Рыжков

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

Annotation

"Мироздание не делает исключений! На последнем шаге прозревают все, оборачивается каждый, и боится больше всего на свете – не увидеть за собой следов" Повесть-притча. Если у тебя есть вопросы к жизни, то ответы – здесь.

Игорь Рыжков

Следы на песке

На последнем шаге прозревают все!

Обернуться хочет каждый, и боится больше всего на свете – не увидеть за собой следов.

Я сидел на угловатом обломке, поросшей синим мхом скалы, и бросал мелкие камни в воду. Солнце, привычно затянутое багровыми тучами давало совсем немного света, и я едва различал большую ладью Перевозчика, везущего через воды Белой Реки очередную тень в пасть Вечному Туману. Ладья крутилась, ныряла носом в волну, черпала ее бортами, но Перевозчик уверенно правил и, разумеется, всегда добирался до северного берега и всегда возвращался обратно.

Все приходят сюда лишь однажды, и Перевозчик, деловито вывернув карманы, возьмет в оплату два медяка, посадит, начинающее просвечивать тело на сырые доски своего маленького судна, и повезет его по вечным белым водам.

Я же был здесь множество раз, и теперь пришел снова. Очередной бой с Дианой я проиграл и мне опять придется просить у Перевозчика прощения за то, что я не принес ему платы за перевоз. Диану победить невозможно. Ее черный меч из струистого тумана нельзя сломать. Его удары точны и беспощадны и однажды я паду, как пали миллионы до меня и падут миллионы после. Хотя, кому то везет. Кому то Диана дарит поцелуй, останавливающий сердце, но с ним у меня как то не ладилось.

Я выковырял из песка очередной округлый камень и запустил его в реку. Он скоро отсчитал почти полтора десятка шлепков и медленно погрузился в воду. Перевозчик всегда опаздывал, и у меня было время на то чтобы подумать и осмотреться. Для того чтобы привести в порядок мысли и снаряжение. Разумеется, я не буду биться с Перевозчиком. Это глупо и бессмысленно. Перевозчик вечен как Хартланд и настолько же стар. Я поднял глаза к небу. Когда солнце закрывали багровые тучи – это означало, что мечники Хартленда гибли и в самом сердце Терры и в ее далеких пределах. Хартланд жил тысячу лет и столько же воевал. Война шла всегда, и у Дианы всегда было много работы.

Я достал из ножен хищное голубоватое лезвие. Чуть изогнутое, с острым концом – жалом, похожее одновременно на ятаган воинов желтых пустынь и оружие мечников предела Красного Солнца. Я нежно провел по нему ладонью, ощупывая каждую зазубрину и скол. Вечный мой спутник. Верный мой друг, ни разу не предавший в бою, ни разу ничего не попросивший взамен за спасенную жизнь. Клинки мечников Хартленда не куют оружейники. Их невозможно купить или получить в подарок или наследство. Они начинают расти в ладони сами. Тогда когда капли с разбитых губ падают в нее и каменеют рукоятью рождающегося оружия от не отмщенной обиды или горечи тяжелой утраты. Когда рождается меч, тогда рождается и мечник. Когда рождается мечник, он начинает искать правду. Ту самую правду, которую стоило бы защищать, бороться за нее и, в конце концов, умереть. По клинку мелькнули блики, высвечивая ту самую правду, записанную древними рунами. Я давно ее нашел. Свою собственную.

Если ты слаб – к тебе придут с мечом.

Если ты алчен – к тебе придут с золотом.

Если ты слеп – к тебе придут с крестом.

Если ты глуп – к тебе придут с похотью.

Если ты разумен – к тебе придут с открытым сердцем, и ты получишь, и золото, и оружие, и любовь, и веру, но ты откажешься, потому, что ты уже неуязвим.

Она протаяла глубокими знаками и прошла через все мои жизни, и я ни разу ее не предал. Я пожал плечами. Возможно, именно поэтому и клинок ни разу не подвел меня в бою. Будет ли это правдой Терры – как знать? Их много. Есть правда травы, которая просто растет у дороги и питается солнцем. Есть правда кролика, который ест траву. Есть правда песка, который поймает кролика и принесет его своим детям. Есть правда охотника, который прицелился в песка для того, чтобы продать его шкуру за звонкую монету. Есть много правд и все они имеют право на существование. Война шла всегда, и мечники Терры бились каждый за свою правду. Выстраданную, навязанную, или придуманную. Это уже не имело никакого значения. Побеждает та правда, которая на самом деле является таковой. Та, которая вечно застилает багровыми тучами ясное солнце над серой пустошью, потому, что пали миллионы и падут еще и еще. Та, правда, которую потерять или предать страшнее, чем умереть. Когда нам удавалось говорить о Великой Войне с Железным Всадником, он рассказывал, что в бою больше всего боялся упасть на спину. Просто потому, что в этом случае его сочтут трусом.

Так ли это сейчас я не знаю, но когда-то это было именно так. Это было. Да. И это было очень и давно. Далеко на юге. Еще до истоков жемчужного ручья. Среди чахлых лесов и желтых болот, пронизанных ржавыми ручьями крови. Там стояли чертоги титанов, проводников, учителей. Тех, кто шел впереди меня и научился оставлять следы на песке серой пустоши. Мне давно пора побывать там. Хотя бы для того, чтобы отдать почести каждому, постоять на пороге и услышать их далекие голоса.

– Ты плохо выглядишь, Мастер. И зачем ты достал меч, если Дианы нет рядом? Мое весло все равно не справится с ним. – Мастер... Мне подарили это имя учителя. Может быть и, наверняка, я расскажу о них. Расскажу и вспомню всех, кто вел меня по всем моим трем жизням. А сейчас...

– Зато ты вечен как сама Терра, Перевозчик. И ни время, ни испытания не старят тебя. – Я улыбнулся согбенному высокому старику в дырявой хламиде как старому доброму другу. Диана унесла почти всех моих друзей, и я уже давно не мог улыбаться им, как улыбался сейчас. Я убрал оружие в ножны и приготовился слушать.

– Ты снова на Серой Пустоши Мастер. Уже в который раз вы с Дианой так и не можете поделить этот мир... – Он сокрушенно покачал головой, суетливо потоптался рядом и сел, почти прижавшись к моему плечу. Скорее всего, он хотел сказать, что-то чрезвычайно важное для него. Может быть для меня... Как знать?

– И ты опять не принес мне платы за перевоз. – Я поднял руки к небу и открыл рот для извинений. Но, Перевозчик опередил меня.

– Ты, едва ли не единственный из тех, кто появляется на Серой Пустоши не первый раз, Мастер. Я прощаю тебя за то, что ты опять пришел к Белой Реке без денег потому, что ты снова будешь просить прощения, а это уже давно потеряло всякий смысл. В твоих карманах

только жемчуг. Искры жемчужного ручья, которые ты собирал все свои жизни. Я знаю о них и знаю, что для старого Перевозчика они не стоят ничего. Есть ли, идущий позади, который сможет положить на твои глаза два медяка, когда ты падешь под ударами меча из струистого тумана? – Я пожал плечами. Мне показалось, что мы будем говорить совсем о другом, но, тем не менее...

– Следом идут четверо, Перевозчик. Может быть, мои глаза накроет старой медью Хельга, если я паду первым, хотя и иду позади. Мне бы не хотелось, чтобы это случилось, но решать будет Диана... Мое тело полно ран, и я не думаю, что выдержу еще один бой. – Перевозчик утвердительно тряхнул лысой головой, и капли пота упали с его блестящего черепа на серый песок. Он устал. Шла война. У него, как и у Дианы было много работы. – Это может сделать Олег. Он храбрый воин и добрый друг. Ты не останешься без оплаты, и тебе не придется упрашивать белые воды, чтобы они пропустили твою ладью к северному берегу.

– Мне придется это сделать, Мастер. – Я вздрогнул. Перевозчик, древний как сама Терра, хотел просить о чем-то обычного мечника Хартленда. – Слухи, гуляющие по Терре, давно обогнали бардов и пилигримов. – Глухо заговорил, Перевозчик – Идет война, мечник и ты это знаешь. – Я глубоко вздохнул. Поправил перевязь меча, висевшего в кожаных ножнах за спиной. Похоже, было на то, что этот мир так и не отпустит меня, насколько бы я от него не устал.

– Война шла всегда, Перевозчик. Павших иногда больше иногда меньше и у тебя и у Дианы всегда было много работы. – Перевозчик вдруг поднял искаженное страхом лицо и посмотрел мне в глаза. – Слухи говорят, что боги гневаются и эта война будет последней. – Я снял легкий шлем в кольчужном обвесе и подставил мокрые волосы прохладному ветру, тянувшемуся с белых вод.

– Для того, чтобы увидеть мир целиком, Перевозчик, нужна тысяча глаз. Я не могу сказать тебе ничего об этом, просто потому, что даже на двоих у нас их с тобой всего четыре. – Перевозчик привстал и положил обе руки мне на плечи. – Мастер, падет Терра – падет и старый Перевозчик. Туман на северном берегу перестанет принимать тени и мир станет другим. Уже никому не будет нужна ни моя ладья, ни мое весло, ни я сам. – Я убрал руки Перевозчика со своих плеч и спокойно посмотрел ему в лицо.

– У меня осталась еще одна жизнь и возможно я потрачу ее именно на поиски ответов, на твои вопросы. К тому же... – Я пожал плечами. – За мной идут четверо и Терра им нужна не меньше, чем была нужна мне, когда я впервые открыл глаза.

– Кто они? Те, кто идут позади, Мастер? Смогут ли они продолжить поиски ответов на мои вопросы, если падешь ты? – Я затянул перевязь меча туже и надел шлем. – Они девы, Перевозчик. Их правда – любить этот мир, каким бы он ни был. Перевязывать мечникам раны и рожать от них детей. – Перевозчик устало опустил голову и долго молчал. Я не торопил его.

– Хорошо, Мастер. Я хочу, чтобы ты пошел далеко на север. Так далеко насколько сможешь. Я хочу, чтобы ты увидел богов и первого и второго перехода. Я хочу, чтобы ты попросил у них тысячу глаз. Может быть, хотя бы один из них увидит правду Терры. – Мы сидели с Перевозчиком, упираясь, плечами друг в друга. Это было неожиданно и совсем странно. У меня возникло ощущение, что сама уставшая от боли и ран Терра говорит со мной устами старого Перевозчика. Возможно, это было именно тем, о чем я подумал. Он вдруг улыбнулся и толкнул меня локтем.

– Они красивы? Те, кто идут позади? – Я рассмеялся в голос.

– Ты совсем одичал среди серых песков, Перевозчик? Ты видишь Диану каждый день. Разве она не прекрасна?

– Перевозчик пожал плечами. – Каждый видит Диану своими глазами. Для кого-то она спасение. Для кого-то страдание и боль. Для кого-то прекрасная дева с черным мечом за спиной. – О чем бы ни говорили мужи – Они всегда говорят только о трех вещах – Оружии, лошадях и девах. Я поднял голову и вновь посмотрел на багровые тучи, закрывающие солнце над Серой Пустошью. Война шла всегда и мечники Хартленда, как и тысячу лет назад гибли под ударами черного меча. Как легко говорить – война шла всегда. Как трудно осознавать это каждый день. Я отряхнул налипший песок с доспехов и обуви. Поправил шлем, ответно звякнувший кольчужным обвесом. Доспехи не раз защищали мое тело от жестоких ран. Их подарил мне Алехан. Отшельник, живший со своей матерью в каменных лесах и мечтавший только о том, чтобы заменить ей больное сердце. Он так и не смог сделать этого. Когданибудь, я расскажу и о нем. А пока...

– У Терры должен быть шанс... Хотя бы один... Пусть и последний... – Перевозчик жестко сжал мне руку в кожаной перчатке. – Я кивнул.

– Мне нужно на юг, Перевозчик. В желтые болота. Далеко за исток Жемчужного ручья. Есть обеты, которые я не исполнил. – Перевозчик упрямо тряхнул головой и продолжил.

– Ты не все знаешь о белой реке, мечник. – Я глубоко вздохнул.

– Откуда я могу знать о белых водах больше тебя, Перевозчик? Вы родились вместе.

– Белые воды никого не пускают дальше туманной стены. Могу ли я попросить тебя оставить свое тело на берегу и уйти на север, скользя среди теней? – Я скрипнул зубами. Скользить среди теней я не любил. Не любил просто потому, что это доставляло мне слишком много страданий. Можно страдать от боли. Можно страдать от страха. Можно страдать от потери любимых и близких. Можно страдать от потери себя самого. Тени растворяли меня, отнимали воспоминания и я не ощущал среди теней ни своего, тела ни того кто жил в моей груди все три жизни. С ним мне сложнее было расставаться больше всего. Но, похоже, было на то, что скользить среди теней мне теперь придется все чаще и чаще. Жемчужный ручей никогда не останавливается, никого не ждет и никогда не возвращается за тем, кто отстал. В голове пронеслось – У Терры должен быть шанс... Хотя бы один... Пусть и последний... – Я глубоко вздохнул. Расправил плечи.

– Да, Перевозчик. Да, разумеется. – Я замолчал. Пасть можно было не только от меча Дианы. Пасть можно было просто от того, что тени не отпустят тебя в очередной раз. Тело останется живым, и в нем по-прежнему будет стучать сердце, но Мастера в нем уже не будет.

– У Терры должен быть шанс... Перевозчик. Я сделаю то, о чем ты просишь. – Я посмотрел в подобревшее лицо хранителя белых вод. Он отвел глаза и вдруг засуетился, делая множество беспорядочных движений, словно в чем-то был виноват.

– Хорошо. Хорошо. Хорошо. – Я молчал. Перевозчик выпрямился, словно вспомнил о чем-то очень важном. – Я покину тебя. Тебя ждет Диана. Она стоит на границе жизни и смерти. Носит меч из струистого тумана и насколько бы она ни была прекрасна, я все-таки не хочу встречаться с ней. – Он ловко прыгнул через борт ладьи, натужено уперся веслом в берег и отчалил в привычные пенящиеся водоворотами белые струи.

Диана шла-летела с запада. Едва касаясь босыми ступнями песка Серой Пустоши. Когда она приняла меч из струистого тумана и встала на границу жизни и смерти – она перестала оставлять следы. Она выглядела ослепительно прекрасной. Огромная черная шапка кудрявых

волос над молочно белым лицом. Яркие серые пронзительные глаза. Высокие скулы, острый подбородок. Небольшой аккуратный нос. Черное платье до самых пяток на высокой гибкой фигуре залитое алыми маками. Мы встречались уже настолько часто и настолько часто скрещивали свои клинки, что все меньше вступали в жестокий поединок и все больше начинали говорить. Говорить о многом. Говорить о странном. Говорит о прошлом и будущем. Но, почему-то всегда избегали разговоров о настоящем. Меч она оставила за спиной. Я тоже не стал доставать из заплечных ножен свой клинок. Скорее всего, мы снова начнем о чем-то говорить. Она подошла совсем близко. Как всегда гибкая изящная. Села рядом и, тряхнув кудрями, посмотрела мне прямо в глаза.

– Почему ты не умер в последнем поединке, Мастер? Ты же так этого хотел. – Я пожал плечами. Снял свой шлем и положил его рядом. – Просто я не хочу умирать так, Диана. Ты слишком жестока, и почему то, хочешь причинить моему телу как можно больше страданий. Ты убила моего оруженосца, разрубив ему сонную артерию. Он умер быстро, без боли. И за ним шли те, кто смог закрыть его глаза старыми медными пятаками. Он не успел оставить следы на песке Серой Пустоши, но в одной из моих жемчужин он живет до сих пор. И... Я хочу задать тебе вопрос. – Я наклонился, взял в горсть немного песка и стал пересыпать его из ладони в ладонь. Я старался не смотреть ей в лицо. Красота дев Хартленда славилась по всей Терре, и я не хотел вновь тонуть в ее огромных серых глазах, говоря о том, что меня волновало на самом деле. – Я устал, носящая черный меч. Я прожил три жизни и живу четвертую. Это слишком много для простого мечника Хартленда. Я видел, как твой поцелуй останавливает сердца. Неужели я так его и не заслужил? – Я стряхнул с ладоней песок и, наконец, посмотрел Диане в лицо.

– Ты так и не будешь жить четвертую жизнь, Мастер? – Я улыбнулся, достал из-за спины свой клинок и положил его на колени Диане – Смотри. – Диана провела пальчиком с розовым ноготком по лезвию, которое тонкой паутиной уже покрыли сколы и трещины.

– Неужели Мастера перестали любить девы Хартленда или самого Мастера перестал интересоваться его дом? С этого же начинается жизнь...

– Мой дом, Диана, вовсе не стены. Стены нужны девам для того чтобы их детям не угрожал холод и ветры. Дом Мастера... – Я запнулся и в растерянности развел руки в стороны. – Все это, Диана. Все это вместе. Все это и еще на сотни лет до и на сотни лет после. Разве можно построить вокруг этого стены?

– Хорошо, Мастер. Я подарю тебе свой поцелуй. – Она подняла подбородок, посмотрела мне прямо в глаза, улыбнулась, и, вдруг, забросив голые руки на плечи, прильнула своими алыми губами к моим губам, истрескавшимся под всеми ветрами пределов Терры.

В глазах потемнело и мне показалось, что остановилось сердце. Я не чувствовал ничего кроме сладкого поцелуя Дианы и ее упругой груди с торчащими от возбуждения сосками под тонким шелковым платьем. Прошла вечность как мне показалось, и я даже успел ощутить благодарность к Диане за то, что она сделала. Но она отпрянула, бросила руки себе на колени и посмотрела на меня хитрым взглядом. Улыбнулась, показав сахарные зубы. Потом закинула голову назад, и поправила волосы. Воплощенное искушение. Да... Это почти смерть. Человек теряет разум и волю. Становится беспомощным и слабым. Но. Темнота ушла. Солнце вновь появилось в небе, и из груди исчезла сладкая истома преджелания того что все наконец закончится.

Диана сидела напротив меня, глядя в лицо смеющимся глазами. Я так же сидел рядом, хотя уже давно должен был бы лежать в прибое белых волн и Перевозчик деловито шарил бы

в моих карманах.

– Почему я не пал, Диана? – Я с удивлением осматривался вокруг. – Я видел, как ты останавливала своим поцелуем сердца многих и многих.

– Ты так и не понял, Мастер?

– Нет...

– Вспомни, как мы встретились в первый раз. Не в бою, а так как сейчас. – Я отвязал от пояса кошелек с жемчугом. Распустил тонкий шнурок из воловьей кожи и достал одну из жемчужин. Молочно белую. Совершенно круглую и стал греть ее в ладонях.

Серая Пустошь растворилась в ярких сполохах жемчуга. Вместо багрового неба возник белый потолок, аккуратно расчерченный на плитки. Журнальный столик из витой бронзы с двумя чашками остывающего кофе. Диван, на котором сидел я и глубокое кресло напротив. В нем сидела молодая девушка, нервно комкала в своих руках носовой платок и с интересом оглядывалась по сторонам. Это был уже двенадцатый претендент на должность дизайнера в мой журнал и я сильно устал разглядывать каждые двадцать минут лица... лица... лица... Они были разными и я давно научился определять по выражению глаз не только квалификацию, но и характер и мысли. Я осмотрел нового претендента с ног до головы и стал прислушиваться к собственным ощущениям. Они почти никогда меня не обманывали. Этот ничего не умеет. Эта пришла просто потому, что указана высокая зарплата. Эта пришла досидеть до декретного отпуска. Эта.. Эта... Эта...

У этой было молочно белая кожа. Шапка кудрявых черных волос. Аккуратный, красивый нос. Высокие скулы. Острый подбородок. Огромные серые глаза. Она вдруг, посмотрев мне в лицо, радостно улыбнулась. Улыбка была столь очаровательной, что я почувствовал в себе единственный отклик. – Я умер.– Я положил жемчужину в кошелек и крепко завязал шнур. Серая Пустошь затянула мир вокруг. Багровые привычные тучи едва пропускали свет белого солнца. Мы снова сидели рядом на черном обломке прибрежной скалы

– Ты хочешь сказать?

– Да, Мастер. Я была твоей любовницей долгие, двенадцать лет, и ты давно привык к моим ласкам.

– Значит, ты и была моей второй жизнью?

– Да, Мастер. Да.

– Зачем ты искала меня?

– Ты носишь на спине знак огня из древней книги восточного предела. Вечный Ши не просто так нарисовал его. Твой свет был виден издали. Я пришла для того, чтобы не замерзнуть в ледяном мраке среди теней. Я задавалась теми же вопросами, какими задавался и ты. Мне нужен был проводник, и ты стал им. – Я тяжело вздохнул.

– Вечный Ши. Откуда ты знаешь это имя? – Диана, без всякого смущения, сбросила черный меч на песок, сняла через голову платье и повернулась ко мне спиной. Я закрыл глаза. Мне показалось, что я ослепну от красоты ее тела.

– Мастер! – Я открыл глаза и посмотрел на спину обнаженной Дианы. На ней от начала ее черных кудрявых волос до самой впадины между упругими ягодицами, завивая в кольца тугое тело, опускалась белая змея. Символ вечности. Символ смерти. Символ холода и мрака.

– Это работа Вечного Ши, Мастер. Он выбрал меня задолго до того как я легла с тобой в постель. – Диана, вдруг смутившись, неловко оделась. Накинула перевязь меча и села передо мной на корточки. – Ты не мог видеть ее, Мастер. Ты был слеп, как слепы все влюбленные.

– Ты могла отказаться от метки Ши. – Диана вдруг взвилась как пружина, и ее лицо

исказилось бешенством. Я рефлекторно потянулся рукой за спину.

– Отказаться от метки?!! Прожить одну короткую непонятную жизнь слабого немощного существа?!!

– А сейчас ты живешь? – Диана склонила голову и заговорила звонким, натянутым как струна голосом.

– Да, Мастер. Я выбрала метку, и меня нет ни за истоками жемчужного ручья ни за северным берегом белой реки. Я стала частью Хартленда, частью Терры. Частью мира, вокруг которого ты не можешь построить стен. Но барды и пилигримы приносят дурные вести. Тучи над серой пустошью сделали солнце кровавым. Война шла всегда. Но у меня никогда не было столько работы.

– Я слышал, что эта война может стать последней... – Диана подняла ладонь, не желая, чтобы ее прерывали.

– Среди желтых болот на юге и в кварцевых садах севера за белой рекой могут бывать только люди. Да! Вы! – Она сверкнула глазами так, словно хотела испепелить меня взглядом. – Только вы рождаете проводников и учителей, только среди вас могу родиться такие как ты. Живущие многие жизни и скользящие среди теней. Только вы порождаете титанов и иерархов. Слабые. Смертные. Обычные люди... Кто же еще?

– И только мы, слабые простые, смертные люди оставляем следы на песке... – Я посмотрел ей прямо в глаза.

– Я ненавижу тебя, Мастер!!! – Диана отвернулась и уронила лицо в ладони. Мне показалось, что она плачет и вновь стала живой и теплой, как, когда то сотни лет назад. Я облизал губы. На них все еще оставалась ее слюна, сладкая до головокружения.

– Я тоже оставляла следы, и ты учил меня этому. – Я поднялся на ноги и не спеша вытащил ее меч из ножен. Взмахнул пару раз, проверив баланс и удобство рукояти. Нет. Это не мужской меч. У дев другая рука и другая сила. Я вернул меч в ножны Дианы.

– Ты ненавидишь меня за то, что я всегда прав, Диана. – Я вытащил свой клинок и со свистом разрезал воздух круговым движением. С удовольствием вернул его за спину. Разговор не был закончен. Диана повернулась ко мне лицом и придвинулась совсем близко.

– Я слышала, что Перевозчик просил тебя пойти на север и спросить у богов о том, что будет с Хартландом. Что будет с Террой...

– Да, я обещал ему это. Но, у Мастера есть еще дела. – Диана вдруг встала на одно колено, и быстро выхватив меч, воткнула его перед собой в песок. Я вздрогнул. Если это поединок, то она смертельно уязвима, хотя мой меч и не может нанести ей ран. Если это клятва? То... Я не знал, что скажет Диана дальше. Я просто стоял в напряженном ожидании и ждал.

– Я, Диана – хранительница границы между жизнью и смертью, носящая знак белой змеи и владеющая черным мечом из струистого тумана клянусь. Клянусь, что до той поры, пока Мастер, живущий четвертую жизнь, скользящий среди теней, учитель и проводник, мечник Хартленда оберегающий его правду, оставляющий следы на песке, не дойдет до оракула богов второго перехода – Хрустальной Эо и не спросит, что будет с Хартландом, Террой и со мной. До тех пор пока, он не вернется обратно, и я не услышу слова Эо. Мой меч не коснется его тела. – Диана, помедлив, встала и посмотрела мне в глаза. Клятвы на оружии священны и мне нужно было отвечать Великой Диане, хранящей границу между светом и тьмой тем же. Я вытащил из-за спины свой клинок, встал на одно колено и воткнул лезвие перед собой.

– Я, Мастер, мечник Хартленда, клянусь, что найду хрустальную Эо и спрошу ее о судьбе Терры. Ответы Эо я принесу, той, которая носит на спине знак белой змеи. – Я встал и вернул оружие в ножны.

– Тебе страшно умереть, Диана? – Диана, усмехнулась горько. Такой я ее еще не видел. – Я не могу умереть, Мастер. Ты же знаешь. Мне страшно НЕ БЫТЬ. – Она собрала свои крылатые брови на лбу. – Но потом я все-таки убью тебя, Мастер. – Меня это ни разозлило, ни потревожило, ни расстроило.

– Откуда ты знаешь о существовании Хрустальной Эо? И о том, что она оракул богов второго перехода? – Диана пожала плечами. – Барды и пилигримы носят по Терре разные вести.

– Перестань, Диана. Об этом могут знать только проводники. И то не каждый из них.

– Вечный Ши, Мастер. Он сказал, что ждет тебя за белой рекой. – Все оказалось гораздо хуже, чем я предполагал. Боги не призывают людей для того, чтобы просто выпить вместе чашу хорошего вина. Диана подошла ко мне совсем близко и словно юная девушка стала теревить на груди колечки стального доспеха.

– И еще я должна знать. – Знать что? Диана. – Я злился на нее. Она не знала что такое призыв Ши. Терра могла погибнуть. Это правда. Но, что могло быть еще хуже?

– Ты собирал искры Жемчужного ручья и складывал их в кошелек. Есть ли я в других жемчужинах, кроме той, которую ты мне уже показал? – Я глубоко вздохнул. Кем бы ни была Диана сейчас, она все равно оставалась девой. Владея несокрушимой властью и силой, она по-прежнему была частью той, которая когда то делила со мной ложе. Мужики Хартленда всегда будут любить своих дев, умирать за них, но никогда не смогут понять, ни их порывов, ни желаний, ни мыслей. Это можно было только принять. Принять так же как песок под ногами или небо над головой.

– Есть, Диана, есть. Конечно, же – есть.

– Как они выглядят и горят ли они до сих пор? Что в них?

Я отстранил Диану от груди и развязал шнурок кошелька из тонко выделанной воловьей кожи. Вытащил две жемчужины. Одну не очень ровную с зеленоватым оттенком. Вторую идеально круглую. Молочно белую. Искристую словно ее напитали белым пламенем.

– Смотри... – Я взял жемчужину с зеленью по краям и согрел ее в своей ладони. Мир вспыхнул. Развернулся синими волнами по небосклону. Опустился под ноги бегущим полупрозрачным пенным прибоем и ударил заходящим солнцем прямо в глаза.

– Садись. – Я пригласил Диану снова присесть на камни.

Перистые облака поднялись высоко, освободив бездонную глубину предзакатного неба. Яркий шар солнца уже лизнул водную гладь. Опускался все ниже и ниже.

– Что мы должны увидеть, Мастер? – Диана схватила меня за руку как когда то сотни лет назад.

– Просто смотри. – Ленивые теплые волны лизали ступни. Звуки стихли. Солнце опускалось все ниже и ниже, распластываясь желтым сиянием по всему горизонту. И вдруг, когда оно совсем было готово нырнуть в море. Из самой середины клубка из желтого огня и серой воды выстрелил в небо тонкий как игла зеленый луч. Мы еще долго сидели на остывающих камнях и смотрели на то, как море съедает остатки солнечного света.

– Мастер – Диана повернулась ко мне и посмотрела умоляющим взглядом. – Это твой жемчуг. Объясни мне, что я должна была увидеть из того, что ты счел самым важным.

– Я взглядом показал ей на сцепленные руки, сжимавшие пальцы друг друга объятием

настолько желанным, что побелели костяшки.

– Не всегда важно слышать и видеть, Диана. Важно понимать, что происходит на самом деле. – Диана вспыхнула алым румянцем. С трудом вырвала свои пальцы из моей ладони и прижала ее к груди.

– Я не могу забрать эту жемчужину себе? – Она посмотрела на меня вечно серыми огромными глазами и почти прокусила себе губу до крови.

– Нет – Я аккуратно убрал светлый камушек в кошель и затянул узкий засаленный ремешок. – Это мои искры. Ты не сможешь их разбудить. Когда ты встала на границу теней Пустошь отторгла тебя и песок под твоими ногами и копытами Цезаря остается нетронутым. – Диана молчала. Так бывает с теми, кого любишь. Можно просто молчать. Молчать о чем то. Молчать о море, закате, о лунной дорожке под ногами, о листьях сброшенных кленами, о прошлом, о будущем. Мы сидели рядом и молчали. Просто смотрели вдаль. Чувствовали тепло друг друга. Сладкое что-то, абсолютно вечное грело в груди. И весь мир казался твоим. Абсолютно бездонным. Любые цели казались достижимыми. Любые желания казались исполнимыми. Жизнь не имела ни границ, ни пределов. В ней не было ни страха, ни ошибок, ни боли. Это было. Но было... Да, было очень и очень давно.

– Я хочу посмотреть остальные жемчужины, Мастер. – Диана выпрямила спину и смотрела на меня, как часто делала это. Наклонив голову вперед, словно предполагая отказ и заранее отвергая его. Я не стал противиться. Тайны сердца одни из самых глубоких тайн. Не каждый желает открывать их даже себе. Не говоря уже о том, чтобы показывать их кому то еще. Но, тем не менее, это тайна, и она будет жечь тебя, съедая душу до тех пор, пока ты все-таки ее не откроешь. Наверное, душа у Дианы все-таки осталась. Хотя откуда об этом знать Мастеру?

– Хорошо. Смотри – Я взял в руки яркую белую горошину и стал греть в ладонях. Жемчуг открывается быстро. Но иногда приходится самому гнать кровь через пальцы для того, чтобы его разбудить.

Небо разлилось от края до края, сменив алую хмарь на бездонную глубину синевы. Солнце огромное, желтое, яркое слепило глаза и грело плечи. Ни одного облака не закрывало взор. На ней был легкий кожаный доспех. Круглый шлем с серебряными крыльями. Высокие сапоги для верховой езды, закрывавшие колени. За спиной в узорчатых ножнах удобно устроился легкий палаш дев Хартленда.

Мы смотрели в небо, и пили сладкий перебродивший сок зеленого винограда из большой серебряной чаши. Один глоток делала она. Другой делал я.

Слева направо. Справа налево. Из края в край. От горизонта до горизонта, через зеленые травяные поросли шла дорога из темного древнего как само мироздание булыжника. Моя гнедая Мальва, постукивая копытом, высекала искры из камней. Трепетала кожей и кивала головой, поглядывая на меня огромным фиолетовым глазом. Ей хотелось в дорогу. Не, куда, ни будь, или к кому ни будь, а просто в дорогу. Взять удила в зубы, которую держит крепкая рука всадника, и бежать рысью к самому краю земли. Туда, где всегда, что-то будет лучше, чем здесь. Цезарь Дианы черный, как смоль. С белыми благородными бабками и белой звездой во весь лоб. Стоял неподвижно, лишь иногда помахивая хвостом, и косил взглядом на всадницу. Ему не было дела ни до солнца над головой, до камней из которых сложена вечная дорога. Он просто стоял и ждал. Ждал, как все мы ждем чего-то самого лучшего, что может произойти в нашей жизни. Может быть через час, может быть через год, может быть через век.

– Как называется эта дорога? – Диана сделала глоток.

– Это дорога, разделяющая жизни, Диана. Старая жизнь всегда заканчивается новой дорогой.

Диана глубоко вздохнула, подала мне чашу с последним глотком сока и спросила. – Я не поняла твоей жемчужины, Мастер. Мне больно, но я не поняла.

– Доей – Я протянул ей чашу. Диана сделала глоток и округлила глаза. – Что это?

Я улыбнулся и стал сворачивать жемчужину в плотный сияющий искрами шарик.

– Это слезы, Диана.

– Зачем тебе наши слезы, Мастер?

– Жемчужный ручей не спрашивает, что ты хочешь взять с собой. Похоже на то, что это было самым важным, что было в моей второй жизни.

– Мы вместе строили замки! – Лицо Дианы запылало алым румянцем. – Мы вместе открывали плотины и пускали воды в пустыни! Мы вместе создавали прекрасное и великое. Мы столько лет были вместе! Неужели это стоит всего лишь три жалких серебристых шарика? Мастер!

– После нашего с тобой союза так и не застучало ни одно сердце, Диана. Что стоят замки и плотины, если некому идти за тобой следом? – Диана в бешенстве ударила босой ногой в песок.

– И еще! – Диана уперлась мне в нагрудный щит доспеха тонким пальчиком с розовым ноготком. – Я видела твою Крылатую О. –

– Мне нужно было жить третьей жизнью. Ты же хотела, чтобы я умер, но все получилось немного иначе.

– Замолчи, Мастер! Замолчи! – Диана сжала кулаки и подняла руки над головой.

– И что с того?

– Она красивее меня!!! – Этого мне было уже не понять. Я не знал, что мне делать. Диана оставалась той, которую я когда то любил. Я не знаю. Может быть, люблю и сейчас. Но никогда не пойму за что и почему.

– Вы опять не можете поделить Хартланд? – В пяти шагах стоял Перевозчик и улыбался, словно был нашим с Дианой отцом. – Хорошо, что вы делите его без мечей, а то ему нездоровится и без ваших ссор. Если вы не забыли – то вы дали клятвы на клинках, поэтому можете попробовать убить друг друга кулаками. – Диана задохнулась в яростном желании что-то сказать, но не смогла найти слов. Потупилась и вдруг расхохотавшись, упала на колени.

– Я все-таки убью тебя, Мастер... – Я присел рядом и посмотрел ей в лицо. Смех был неправильным. Не тем, которым смеются дети и девы. Чистым и легким. За этим смехом тяжелыми клубами колыхался страх. Когда то Диана говорила, что в новую жизнь нужно бросаться без раздумий и колебаний. Как в ледяную воду. И я почувствовал эту ледяную воду. Диана тонула в ней. Отчаянно сопротивляясь водовороту, барахтаясь в яростном противостоянии небытию. Диана умирала? Как это могло быть? Это было невозможным, настолько же невозможным, насколько невозможно пересечь белые воды вплавь. Я поднялся на ноги и ждал когда Диана придет в себя. Что-то происходило вокруг. Неясное. Совершенно непонятное. Чуждое, не принадлежащее Терре, ни здесь у поймы жемчужного ручья, ни на сотни лет назад, ни на сотни лет вперед. Диана вдруг замолчала. Пошатываясь, поднялась на ноги и с тоской посмотрела мне в глаза.

– У меня много работы, Мастер... Я должна идти, помоги мне... – Я достал из кошелька

вторую жемчужину, согрел ее дыханием и вывел из-под жаркого неба мира моей памяти жеребца Дианы. Цезарь знал меня, и повиновался безропотно, словно я и был его всадником. Он тревожно шевелил ушами, прислушиваясь к плеску белых вод, и с опаской косился на Диану. Возможно, благородное животное опасалось того, что его хозяйка не сможет подняться в седло. Диана благодарно кивнула мне головой и, все-таки, сумела взобраться на своего коня и, тот без приказа всадницы, затрусил вдоль пустоши, унося ее в легкую дымку, которую натянул ветер с воды.

– Мастер! – Я повернулся на голос Перевозчика, ставшего вдруг жестким, словно он сам надел кольчугу и вместо весла держал в руках меч. Перевозчик стоял напротив и протягивал мне на ладони округлую серебристую вещь. – Я никогда не видел подобного за все-то время, пока правлю ладьей. Ты знаешь что это? – Я взял с его ладони серебряную округлую, похожую на знак отличия мечников отливку из серебра. Рассмотрел нанесенные на ней знаки и по позвоночнику заструился холодный пот. Это был знак второго высшего небесного иерарха. Окружность, означавшая вселенную и вписанный в нее треугольник – символ обработанного камня. Второй иерарх носили архитекторы. Те, кто строил этот мир. Это был мой иерарх. Ши призывал меня немедленно и имел на это право.

– Что это, Мастер? – Я вытер со лба пот. Ши мог призывать меня как мечника Хартленда, и даже в этом случае это было бы чрезвычайным событием. Теперь он возвращал мне знак небесного иерарха и призывал как архитектора. Это могло означать только одно.

– Ши собирает совет.

– Что это значит, Мастер? – Перевозчик стоял и смотрел на меня в упор.

– Это значит, что у нас очень и очень мало времени, Перевозчик. – Я заколол знак себе на воротник, выпущенный из-под нагрудного доспеха, и достал ту же самую жемчужину, из которой я вывел Цезаря для Дианы. Мне нужна была Мальва. Я не думаю, что за белой рекой кто-то будет возить меня на плечах, не смотря на мои привилегии или заслуги.

– Что это значит, Мастер?!!! – Я взял горсть песка и показал Перевозчику. – Это значит, что если я не успею, то скоро Терра будет такой вся. – Я высыпал песок тонкой струйкой себе под ноги – Дом строят из камня. Перевозчик. Терра построена из песка. Дом стоит сотни лет потому, что камни связаны известью. Терра перестала помнить, что ее связывает в этот мир.

– Ты будешь искать известь для Терры? – Я пожал плечами. – Можно сказать и так. – Я вывел Мальву на песок. Быстро наломал в прибрежном кустарнике веток и высек огонь. Мне были нужны тени. Перевозчик все понял. Он быстро пошел к приборю встал на колени и начал говорить непонятные и длинные слова. Все-таки, ему придется вести меня без оплаты и белые воды должны были позволить ему сделать это.

Огонь вспыхнул ярко, с треском разбрасывая в стороны от маленького костра яркие искры. Огонь был зол. Ош шипел соком сырых ветвей кустарника. Качался длинными жгучими языками. Родственный знак между лопаток стало колоть и жечь. Похоже, что меня уже не торопили, а гнали, как скаковую лошадь, вытягивая по спине кожаным арапником. Тени были не четкими. Солнце, хотя и не яркое, сбивало их в серые неуютные пятна. Я склонился над костром и не торопясь стал раздувать разозлившиеся угольки. В серых тенях легко можно было остаться навсегда. Мне нужны были черные. Наконец, пламя поднялось высоко. Загудело ровно, словно в горне кузнеца. Тени улеглись на камни черные как ученические кляксы. Скользить среди таких теней мне, наверное, даже будет не больно. Я взял под уздцы вдруг захрапевшую Мальву и шагнул в темноту.

Тени приняли меня легко и быстро. Костер стал голубым, небо черным, как и песок под ногами. Перевозчик подошел совсем близко и кивнул. Нужно было идти. Я мерно зашагал по песку серой пустоши до самого края белого прибоя. Здесь в тених белая река не меняла ни цвет, ни назначение. Так же как и Перевозчик. Я посмотрел на ладонь, сквозь которую просвечивали кости и крепко сжал ее в кулак. Почувствовал и осознал напряженные мышцы, разжал пальцы снова. Я не учился скользить среди теней. Тени нашли меня сами. После первого поединка с Дианой, который продолжался почти сутки, и который я, разумеется, проиграл, они пришли за мной и утащили в темноту на целых пять дней. Вернуться целиком я уже не смог. Часть меня висела над пропастью. Часть твердо стояла на ее краю. Хотя, если осознать все свои жизни – так было всегда. Иного я и не помню. Мальва храпела и дергала головой. Она не любила теней и привыкала к ним долго. Я остановился, прижал ее большую голову к своей груди и стал шептать ласковые слова в ухо. Мальва перестала дрожать и постепенно успокоилась.

– Даже твоей лошади здесь неуютно. Что уж говорить о тебе, Мастер. – Перевозчик был тем же, кем был и в реальном мире. Так же как и белая река. Так же как и весло и его ладья. – Я, привык, Перевозчик. – Хозяин белой реки покачал головой, развернулся и натужно столкнул ладью на воду. – Не забудь покормить свое тело, Мастер. – Напомнил он, устраиваясь на корме. – Мне не кажется, что твои беседы с богами закончатся быстро. – Я посмотрел на Мастера, лежавшего ничком, подломив руку, рядом с остывающим костром. Мне не понравилось, как он лежал.

– Положи его на спину, Перевозчик. Пусть тем, кто сюда приходит, кажется, что я один из них. Терре, пока не стоит знать, что с ней происходит. – Перевозчик толкнулся веслом от берега, и ладья резво пошла зигзагами, огибая прибрежные валуны. Белая река несла свои воды быстро, пенясь водоворотами и тяжелыми широкими струями. Я опустил руку в воду.

Белая река. Последние мгновения перед северным берегом и плотной стеной тумана. Каждый еще успеваешь подумать о чем то, что то вспомнить, кого то пожалеть, простить... Наверное.

– Перевозчик... – Перевозчик, деловито правил и почти не обращал на меня внимания. Его раздражало, что Мальва, переминаясь с ноги на ногу, раскачивала ладью. – Перевозчик!!!

– Что, Мастер? – Ты помнишь Короля? – Перевозчик, немного подумав, ответил.

– Да... – О чем он думал, когда ты вез его через белую реку? – Он устал, Мастер. Диана забрала у него всех кто шел позади. Всех кто шел рядом... С такой болью трудно справиться. Ты найдешь его чертоги в желтых болотах, или по течению жемчужного ручья? – Я посмотрел на северный берег. Он был уже совсем рядом. Перевозчик хорошо знал свое дело.

– Да, Перевозчик. Конечно же – да.

– Скажи ему, что Перевозчик помнит его боль. И верни ему это. – Перевозчик, отложил весло и стал, что-то искать в своих лохмотьях. Потом обрадовано вытащил сжатый кулак и протянул мне, открыв ладонь. В тених, на фоне белых вод, на ладони древнего Перевозчика лежало пылающее ярко белым пламенем золотое кольцо. Оно не погасло даже здесь. Я забрал его и положил в свой кошелек с жемчужинами. – Он держал его в кулаке, пока не превратился в тень, Мастер. – Я горестно кивнул. Перевозчик передернул плечами и налег на весло, разворачивая ладью к берегу так, чтобы она носом уткнулась в песок. – Но больше не спрашивай, ни о ком. Я не могу помнить всех... – Я не стал ничего отвечать ему. Вывел Мальву на песок северного берега. Вскочил в седло и вонзил ей шпоры в крутые бока. Хотя, нельзя было срывать обиду и горечь на своей лошади. Всадник и конь едины и связаны друг с

другом родством большим, чем родство крови. Просто потому, что в дикой сече их никогда не бывает двое. Падет один – падет и другой.

Ши ждал меня и нисколько не изменился за то время, пока я не видел его. Он сидел на плоском камне, сложив ноги в позу лотоса. Всунув руки в широкие рукава золотой тоги. Выпрямив голову и закрыв глаза. Я не мог заблудиться, уходя на север. Дорога из желтого кирпича была единственной в этом мире. Вокруг нее на все что хватало взгляда, росли кварцевые сады. Они сияли искрами под высоким жарким ярким солнцем, впитывая в себя синеву безоблачного неба, и пели какую-то свою тонкую и печальную мелодию. Ши хранил эти сады и, слушая их песню, проверял – насколько они здоровы. Я спешился. Взял под узцы Мальву и подошел к нему для того, чтобы поздороваться. Ши, не открывая глаз, поклонился мне и легко вскочил на ноги.

– Как твоя рука? Мастер. – Жизни назад. Когда я пришел к Киму для того, чтобы овладеть мастерством боя с оружием и без него. В жестоких изнурительных тренировках и учебных боях я сильно повредил левую руку. Она всегда напоминала мне болью, о предстоящей непогоде или о том, что я долго не тренирую свое тело. Ши лечил ее. Постоянно ругаясь на своем певучем языке. Длинными иглами из серебра, которые всегда носил с собой в маленьком ящике из сандалового дерева. Тогда он сказал, что во мне огня слишком много для обычного мужа Хартланда и уговорил поставить знак пламени на моей спине.

– Все в порядке, Ши. – Я улыбнулся. Я на самом деле был очень рад его видеть, не смотря на его постоянное недовольство мною.

– Когда ты в последний раз показывал ее лекарям? – Эта воркотня и забота, которая отдавалась теплой приязнью в груди, была вечной, каким был и сам Ши.

– Увы, никто в Хартланде не берется лечить того кто носит твою метку. – Я стоял напротив, смотрел в его раскосые карие глаза на гладком желтом лице, и мне было хорошо. Не знаю почему.

– Подними ее вверх и сожми пальцы в кулак. – Ши хмурился и, разумеется, всегда был недоволен. Я сжал зубы и попытался поднять руку над головой. Плечевой сустав отозвался тяжелой тупой болью. Ши внимательно смотрел мне в глаза, качал головой и цокал языком с досады.

– Через год ты не сможешь взобраться в седло, Мастер. – Я опустил руку вниз, давая притечь крови к пальцам.

– У нас есть этот год, Ши? – Ши горестно покачал головой. – Я не знаю, мечник. Никто не знает. Я не призвал никого кроме тебя. Мне нужно кое-что показать тебе и кое о чем рассказать. – Я знал дорогу к его маленькому домику под красной черепицей и крышей в четыре ската с поднятыми вверх карнизами. За ним был круглый пруд с чистой водой, в котором жили цветные карпы. Их всегда было много. Веселых и шумных. Они пенили воду и сверкали своей чешуей на солнце не менее ярко, чем кристаллы на окружающий пруд деревьях.

– Когда ты ел в последний раз, мечник? Я слышу вопли твоего желудка, как если бы звал тебя сам, перекрикивая прибой белой реки. – Ши шел рядом и как обычно – ругался. – Если ты будешь забывать есть, то рука тебе уже не понадобится. Я могу вылечить болезнь, но не лечу от глупости. У меня есть чем утолить твой голод, Мастер. Есть кое, что для того, чтобы убрать боль из твоего тела, но нет ничего для твоего ума. – Я шел рядом и улыбался. Я любил его воркотню. Любил его маленький домик. Любил его очаг, на котором всегда пыхла

паром бронзовая пузатая кастрюлька коричневого риса. Гостей у Ши было мало. И ему нравилось смотреть, как едят приготовленные его умелыми руками блюда, нечастые гости. Сам Ши никогда не принимал участия в трапезах. Еда была ему не нужна. В теле Вечного Ши никогда не стучало сердце, и в нем никогда не было крови.

Мы подошли к его дому. Я привязал Мальву к протянутой вверх руке небольшого каменного изваяния. Ши, не смотря то, что был богом, имел некоторые странности, и я даже умилялся над ними. Он говорил, что его дом охраняют духи и для того, чтобы не гневить их, нужно дать им убежище в этих гранитных статуях. Мы вошли в его жилище, и я сразу почувствовал, что-то неясное, невнятное и непонятное. Словно глаза застилала дымка. Внутри не было того ощущения уюта и тепла, которое бывало здесь когда то. Но вроде бы все оставалось неизменным. Низкие скамьи. Тот же очаг с пытящим котелком над желтыми языками пламени. Травы и специи, развешенные на тонких веревочках по потолочным балкам. Бамбуковые колокольчики, которые низко позванивали под легкими порывами едва ощутимого ветерка. Я остановился. Остановился потому, что Ши перестал ворчать и ругаться. Он, стоял, выпрямив спину, и поглаживал ладонью круглую лысую голову. Стоял перед дверью, которая выводила на задний двор с прудом для цветных карпов. Стоял и почему то не решался выйти через нее.

– Ты потерпишь с ужином, Мастер? – Ши, перестал быть тем, каким я его знал. Теперь он был богом первого перехода, а не внесистемным иерархом. Врачом, боровшимся за жизнь и здоровье пациентов, кем бы они ни были. У внесистемных иерархов была своя правда и однажды она спасла жизнь моей матери Великой Хельге, а значит и мне. Да... Я, конечно же, расскажу об этом. Позже, а пока...

Да, Ши, разумеется. – Я снял перевязь с клинком и шлем. Здесь они были совершенно бесполезны. Положил на деревянную изрезанную драконами скамью, и пригладил отросшие волосы.

– Тогда пошли. – Ши толкнул дверь, и мы вышли из теплого полумрака его дома на задний двор. Ши повернулся ко мне лицом. Протянул руку к пруду – Смотри. – Карпы были мертвы. Некоторые из рыбин еще шевелили хвостами. Но большинство плавали, подставив солнцу желтые животы. Пруд Ши был особым местом и не простым местом. Карпы были не просто рыбами. Как канарейки у горных добытчиков в шахтах они предвещали беду. Своей смертью успевали предупредить остальных о том, что если горняки не покинут опасное место – они погибнут. Для нас безопасного места больше не существовало.

– Весы? – Осторожно спросил я, надеясь на какое-то чудо. Ши так и не ответил. Он пошел скорым шагом по извилистой тропке, почти заросшей травой, к маленькому, сложенному из грубого камня зданию. Внутри на огромном валуне, защищавшем измерения от возможных колебаний почвы, на тонкой витой штанге стояли весы. На одной чаше была стеклянная колба, наполненная черным дымом, на другой огромный, размером с кулак, драгоценный камень. Весы не были уравновешены. Плоская, разрисованная знаками длинная стрелка, показывающая отклонение, указывала на цифру семь.

– Когда стрела покажет десять, Мастер, даже я ничего уже не смогу сделать. Сейчас я трачу все свои силы на то чтобы удержать ее в этом положении.

– Ты сказал об этом Эо?

– Она знает. Нет ничего из того чтобы не увидели ее тысяча глаз.

– Сколько у нас времени, Ши? – Ши пытливо посмотрел своими раскосыми глазами мне в лицо, улыбнулся, снова приходя в обычное, ворчливо-заботливое состояние.

– Ровно столько, мечник, сколько ты сможешь его у нее выпросить. Ты прожил три жизни. Ты делил постель с Дианой. Ты знаешь толк в девах. Может быть, Эо станет твоей четвертой жизнью? Кто знает. А теперь пошли. – Ши быстро пошел к своему дому и как обычно продолжал ворчать. – Спаситель Терры может пасть от того что Ши не накормил его. – Его сарказм был наигран. И я, разумеется, знал почему. Жизнь оставалась жизнью только тогда когда находилась посередине между полным, абсолютным порядком, который был заключен в драгоценном камне и абсолютным хаосом – черным дымом в стеклянной колбе. Стрела была смещена в сторону хаоса. Это означало то, что силы, которые делали Терру Террой, таяли как снег под ярким весенним солнцем. Ши удерживал равновесие, и поэтому его призыв был абсолютно безоговорочным, он не мог бесконечно латать дыры мироздания, через которые, прорывалось inferно, хаос, разрывающий Терру на куски. Оставалось непонятным одно – как могу спасти Терру я?

Мы быстро дошли до жилища Ши. Он усадил меня на пол перед низким столиком. Положил в круглую миску целую гору риса, обильно посыпал его пахучими травами и воткнул мне в кулак две деревянные палочки.

– Ешь. Я буду кормить тебя до тех пор, пока твой желудок не перестанет урчать. Даже если ты лопнешь. – Он нахмурился. Поставил передо мной плоскую чашку дурно пахнущего черного настоя. – Это от боли, Мастер. – Ши присел рядом. – И не крути носом. Мои лекарства всегда неприятны на вкус. – Я вспомнил его серебряные иглы и благодарно кивнул. Выпить эту дрянь было проще, чем часы крутиться ужом под беспощадными руками Ши. – Ну а пока твой рот и желудок занят, я могу предположить, что мозг остался свободным. – Я кивнул. То, что готовил Ши, было настолько же беспощадно вкусным, насколько беспощадно злыми были его серебряные иглы.

– Ты, много не знаешь, Мастер. И сейчас пришло время об этом узнать. Может быть это поможет тебе... Да, Мастер, у богов нет рук кроме рук людей. Кроме того у Вечного Ши нет того что есть у Мастера, даже, если он забывает что это у него есть. – Он положил ладонь себе на грудь. – Ответы придется, скорее всего, искать этим. Ну, а пока ешь и слушай. Слушай то, что говорит тебе Ши. Не исключено, что этот рис будет последним, что я могу сделать для тебя. – Он повозился, устраиваясь удобнее, и стал серьезен и внезапно стар. Вокруг глаз пролегли морщины, плечи опустились. Он спрятал задрожавшие пальцы в рукава тоги. Удерживать inferно – нелегкая работа даже для бога.

– Ты сам говорил, что видеть и знать не всегда самое важное. Важно понимать, что происходит на самом деле. Да, ты проводник и я совершенно не оспариваю это. Ты видишь тропы не только по течению жемчужного ручья, но и далеко на севере. Только поэтому тебя пропустили белые воды. Но, ни один проводник не может видеть все тропы, мечник. Идти всеми тропами – это значит не идти никуда. Идти тропой, которую не видишь не менее безрассудно. Ты скользишь среди теней только потому, что высекаешь огонь, и он рождает их. Нельзя одной краской нарисовать вселенную. Поэтому мои метки всегда парны, Мастер. Пламя всегда порождает тени. Когда ты пришел к Киму, я заметил тебя. – Я уже доел рис. С трудом проглотил лекарство. И слушал Ши, как должно слушать учителей, очень и очень внимательно. – Скажи мне Мастер, зачем ты пришел к Киму и стал учиться борьбе и владению оружием? – Я тяжело вздохнул. Ким был моим учителем, наверное, самым главным. И я обязательно расскажу о нем. А пока...

– Мне нужны были победы, Ши. – Ши засмеялся

– Мужу Хартланда были нужны победы. Почему я не удивлен? А чему учил тебя Ким

целый год каждый день?

– Он учил меня падать. – Ши покачал головой. – Ким учил падать каждого кто приходил к нему. Ты падал каждый день тысячу раз. Падал на спину на живот на бок. Ким прогонял любого, который спрашивал о том, когда его начнут учить битве. Он продолжал учить падать. День за днем, каждый день, до полного изнеможения. Зачем? – Я пожал плечами. Я никогда не спорил с учителями. – Сколько раз за год обучения у Кима ты падал?

– Я не знаю Ши, много. Тысячи раз, сотни тысяч.

– Ты учился у Кима пять лет, сколько раз ты падал за эти годы?

– Я не помню, Ши.

– И что ты делал после того как падал, Мастер?

– Вставал... – Ши покачал головой.

– Так чему учил тебя Ким? Падать или вставать? – Ши злился. Я никогда не видел его таким. И не представлял, что он может быть таким. Испытывают ли боги боль – я не знал. Может быть, даже если у них нет сердца, и в жилах не течет кровь. Ши встал, подошел к травам, свисавшим с потолочных палок пахучими связками. Походил от одной до другой и, выбрав одну, с крупными красными листьями, начал обрывать их и комкая, рассыпать в порошок.

– Я решил найти тебя, когда услышал твою боль, мечник. Ты дрался с Сержем, который был втрое сильнее, но ты победил, хотя и сломал при этом руку. Победил потому, что научился падать и вставать. – Ши набил травой длинную изогнутую трубку и затянулся густым голубым дымом. – Теперь, я думаю, тебе не стоит объяснять, почему тени отпустили тебя в первый раз. Почему поцелуй Дианы не останавливает твоё сердце и почему до сих пор она не смогла убить тебя. Жить на границе жизни и смерти не просто, Мастер. Я понимаю, что тебе тяжело, и боль и страдания часто становятся сильнее желания вставать, но ты ничего не можешь с собой поделать, мечник. Сколько учеников было у Кима, когда ты пришел к нему?

– Сто учеников, Ши. Больше он не брал. Киму не нужны были деньги. Ему нужны были бойцы. – Мне очень хотелось попросить у Ши такую же трубку. Дым был то ли лекарством, смягчающий боль, то ли дурманящей травой, то ли чем-то особенным, о чем я не знал и не мог, конечно же, знать. Голова сильно болела и я плохо соображал. Мне казалось, что, если бы я вдыхал такой же дым, мне было бы немного легче. Питье, которое дал мне Ши, действовало медленно, и было рассчитано не на минуты или часы, а на недели и месяцы.

– Сколько осталось из первого набора через пять лет обучения?

– Двое. Я и Тамерлан.

– Я мог бы поставить метку Тамерлану, и Диана пришла бы к нему, но Тамерлан не дрался с бойцом сильнее себя втрое, он не выигрывал боев с рукой, вырванной из сустава. Он не ты, мечник. Поэтому Диана пришла к тебе. Поэтому ты носишь между лопаток метку пламени, а Диана приняла метку белой змеи. Я пока так и не понял, что объединяет вас, кроме того, что вы оба являетесь сторонами самой великой силы, которая может существовать на Терре. Эту силу создал я, Мастер. Терра всегда нуждалась в хранителях, и они всегда были, но... – Ши затянулся и выпустил в сторону длинную струю. – Вас осталось всего двое, мечник. – Что объединяло нас с Дианой? Я, наверное, даже знаю что. То, что Король так и не выпустил из своего кулака, даже будучи тенью. Я распустил свой кожаный кошелек. Достал плоское золотое кольцо с арабской вязью по краям и положил себе на ладонь. Ши удивленно посмотрел мне на руку.

– Вы были у алтаря? – Я кивнул.

– Почему ты не выбросил его или не вернул Диане, когда начал жить третью жизнь? – Я сокрушенно пожал плечами. Мне казалось, что Ши отчитывает меня как школьника, отвечающего на вопросы неверно.

– У Дианы есть второе? – Я снова сокрушенно пожал плечами. Я думал, что никто и никогда не узнает о том, что я храню это кольцо. Даже Диана, но...

– Я никогда не спрашивал ее об этом, Ши. – Я положил кольцо обратно в кошелек и туго затянул бечеву, скрученную из просаленной воловьей кожи. Ши нахмурился. Это я был подавлен и смущен его вопросами. Ши решал, какую-то задачу. Внезапно через стены стал проникать звон кристаллов, растущих на деревьях сада окружавшего жилище Ши. Возникло ощущение, что Ши общается с кварцевыми садами. На каком-то абсолютно непостижимом для меня языке. Я не пытался разобраться в том, что делает бог первого перехода. Либо он объяснит сам... Либо... Либо я спрошу у капусты что она понимает в строительстве крепостей.

– В чем она обвинила тебя, когда вы виделись в последний раз? – Ши смотрел мне в глаза жестко, словно целился из оружия. Абсолютно беспощадно. И я прекрасно понимал, что сейчас не время для того, чтобы прятать тайны сердца.

– Она упрекнула меня в том, что Крылатая О красивее, чем она сама... – Ши откинулся на спину и залился веселым смехом.

– Ох уж эти девы, мечник. Как хорошо, что я избавлен от того, что вы называете... – Ши выбил трубку о камень очага, находившегося на расстоянии вытянутой руки. – Я бы сошел с ума, и некому было бы хранить кварцевые сады... – Он помолчал и налил мне из небольшого глиняного чайника с изящным носиком пахучего зеленого чая. Я благодарно кивнул. Ши делал самые простые вещи великолепными. Я не знаю, как это у него получалось. Да и не хотел знать на самом деле. Пусть Ши останется Ши.

– Может быть, все закончится тогда, когда она покажет тебе свое кольцо... Но тогда ты вместо четвертой жизни вернешь себе вторую и от радости вы с Дианой перевернете Терру вверх тормашками... – Ши не шутил. Он был серьезен, и в его мелодичном голосе скользили нотки иронии. Иронии предопределения и... грусти. Ши не хотел говорить то, что должен был сказать, и я это почувствовал.

– Ты знаешь, мечник, что я сделаю, если ты не успеешь? – Он вдруг пронзительно посмотрел мне в глаза.

– Нет, Ши. Откуда же мне знать?

– У вас есть то, что делает вас тем, что вы есть, но то же самое убивает и вас и Терру с беспощадностью и жестокостью, которой... – Ши пожал плечами. – Обладаете только вы. Ты знаешь, что кварцевые сады – ваши потомки, мечник? – Я проводник, и, конечно же, я об этом знал. Пройдет время, и тело человека перестанет вмещать его ненасытный разум. Белые кристаллы кварцевых садов примут его, и Ши станет их хранителем. Это будет здесь. Далеко на севере, но для того, чтобы это случилось, нужно было, чтобы жемчужный ручей не переставал течь и за каждым из нас шел кто-то еще.

– Я сделаю вас счастливыми, Мастер. – Ши вдруг стал злым. – Всех до одного!!! Каждого! Кем бы он ни был! – Внутри стало подниматься бешенство. Ши приговаривал Терру. Приговаривал всех рожденных и идущих следом к такому наказанию последствия, которого возможно не понимал даже он. Но Ши имел на это право. Он хранил кварцевые сады и сделает все, чтобы они остались невредимы.

– Всегда счастливы только безумцы, Ши... – Я рефлексивно потянулся к своим доспехам и оружию.

– Но в этом случае, я смогу сохранить хотя бы, то, что осталось от наших миров, мечник. Вы же всегда желаете только одного – стать счастливыми. Вы получите то, что хотите... – Он протянул мне свою трубку.

– Возьми, Мастер. Мне кажется, что эта вещь пригодится тебе в твоих странствиях. – Я оставил меч в покое. Похоже, было, что Ши не заметил моего порыва, но могло быть и так, что бы он хотел именно этого. Он покрутил лысой головой и продолжил. – За большой водой Терры в далеких пределах, очень далеко на юге жили мудрецы. У них была красная кожа, и они разрисовывали свое тело красками, для того, чтобы быть похожими на животных. Зверь не убивает, Мастер. Зверь добывает. Ему никогда не нужно больше чем нужно. Вы иные. Поэтому вы убили этих мудрецов, но их мудрость осталась. Она здесь. – Ши подал трубку мне. Я взял ее и положил в походную сумку, куда складывал необходимые в походе вещи. – Когда приходила беда. Они садились в круг и курили эту трубку, Мастер. Мудрость этих людей заключалась, конечно же, не в травах, дым которых они вдыхали. Они начинали говорить. Каждый с каждым. Насколько не были бы различны их обычаи, тотемы или языки. Вы утратили эту мудрость. Я не знаю, чем она поможет тебе, но... – Ши поднялся, взял чайник и налил мне еще чая. – Ши не может знать всего, мечник. – Он покачал головой. – У Вечного Ши нет сердца. То, что нельзя увидеть глазами, можно увидеть сердцем. Постарайся освещать свои тропы не только разумом. Может быть, тогда Терра использует свой шанс... – Ши замолчал. Я пил горячий чай и молчал тоже. Мыслей не было. В голове сверкали картинки круглого пруда, перекосившихся весов и руки... Да... Дрожащие пальцы Ши, которые он прятал в рукава. Все, что я мог делать... Это идти дальше. – Ши дождался, когда я закончу пить чай, поднялся на ноги. – Тебе пора, Мастер. Эо будет рада видеть тебя. Когда вы наговоритесь – вернись. Может быть, я найду, что ни будь еще для твоей дороги.

Мы вышли вместе под яркие лучи солнца в голубом небе. Я подошел к Мальве. Проверил подпругу, и насколько хорошо держалось на ее спине седло. Я не знал, почему я делаю это. Похоже, было на то, что я просто оттягивал момент расставания. Сердце, которым я должен был смотреть дальше, говорило мне, о том, что под копыта моей лошади больше никогда не ляжет дорога из желтого кирпича. Ши помог мне взобраться в седло и долго смотрел в след пока я уходил тенями, отброшенными каменными изваяниями, к жилищу Хрустальной Эо. Есть дороги, с которых не свернуть, ни остановиться, ни вернуться назад. Сердце говорило, мне, что я покидаю друга. Скорее всего, последнего во всех своих жизнях и даже то, что я вернусь к нему выпить еще одну чашку чая после беседы с Эо, ничего изменить уже не сможет.

Скользить среди теней здесь на севере было не больно. Я быстро добрался до жилища Эо, но, остановив Мальву, покинув седло, не стал подниматься в ее радужный дом, состоящий из тысячи глаз и похожий на огромные пчелиные соты, заделанные радужными стеклами. Диана говорила, что в новую жизнь нужно бросаться как в холодную воду. Да, конечно, я помнил это, но так у меня никогда не получалось. И тем более, сейчас, когда тропы нужно было выбирать не разумом. Советы учителей, которым вдруг внезапно стал Вечный Ши не абсолютны. Они в любом случае ложатся на опыт и то, что происходит. Я смотрел на дрожащие пальцы Ши и понимал, что inferно не будет ждать. Оно будет нарастать тем яростней, чем упрямее будет Ши. Настанет время, когда силы Ши иссякнут, и он исполнит то, что сказал. Мне нужно было чем-то наполнить свое сердце хотя бы толикой

радости, тепла и света. Слишком долго оно отбивало бешеный ритм среди теней. Я достал из кошелька одну из своих жемчужин. Маленькую, невзрачную, но, как мне показалось очень важную для меня именно сейчас. Перед домом Эо, состоящим из тысячи глаз. Я согрел ее в ладонях и посмотрел в небо. В нем, раскрашенном серыми низкими облаками, летел журавлиный клин. Гордые птицы, выстроившись в вытянутый треугольный строй, печально курлыкая летели за горизонт. За горизонтом всегда жила мечта, всегда светлая, теплая, наполненная радостью и светом. Я вспомнил, что с похожим ощущением, будучи совсем ребенком, пускал кораблики в реку. Мне казалось, что их кто-то обязательно найдет и потом найдет меня и нам будет, о чем поговорить. Я поднял руку и помахал жожаку. Самой сильной птице клина. Что-то он увидит за горизонтом. Вместо меня. Мечты должны быть. Пусть они не сбудутся или все будет иначе, но только они рожают тропы, по которым можно идти. По-другому, не бывает. Если и бывает, то Мастер не знает как. Я свернул жемчужину и прислушался к ощущениям. Мне удалось зачерпнуть из этой целеустремленности летящего клина журавлей, немного уверенности и для себя самого. Я пожал плечами. У Терры должен быть шанс. Хотя бы один. Пусть и последний. Иначе все, что было до и будет после – не имеет никакого смысла...

– Мастер!!! – Я повернулся на голос Эо. – У меня не часто бывают гости, и я дорожу ими. Тем более ко мне никто и никогда не приходит просто так. – Эо была ослепительно красива. Огромные глаза, голубые с темными прожилками. Длинные густые ресницы. Брови вразлет. Абсолютно правильный овал лица. Русые волосы, спадающие витыми локонами на голые плечи. Прямой нос, трепетные ноздри. Ярко алые упрямые губы. Идеальная фигура с высокой грудью и широкими бедрами. Эо не была похожа на дев Хартленда. В ней не было слабости, которая создает женское очарование. Сильное тело. Правильные пластичные и выверенные движения. Эо была Оракулом богов второго перехода. Какой же она могла быть иначе? Эо была обнажена, и нисколько этого не смущалась. Весь ее наряд состоял из огромного роя бабочек с хрустальными крыльями, на которых были круглые пятна, похожие на глаза какого-то животного. Они прикрывали ее грудь и бедра. То, садясь на ее тело, то поднимаясь вновь. Словно были ее пленниками и боялись улететь слишком далеко.

– Здравствуй, Эо. Ши сказал, что ты ждешь меня. – Эо улыбнулась, обнажив белоснежные зубы. – Тот, кто ступил на дорогу из желтого кирпича, не может пройти мимо Эо, мечник. – Она отошла в сторону от входа в свое жилище, тем самым приглашая пройти меня внутрь. Я посмотрел на Мальву. Лошадь чувствует опасность раньше всадника. Она спокойно паслась на лугу и подрагивала кожей. Жмурилась от проблесков солнца, пробивавших облака и была спокойна. Эо конечно не представляла для меня никакой опасности. Опасность могло представлять лишь то, что она скажет или то, что я смогу увидеть через стены ее дома. Я прошел внутрь и осмотрелся. Я не был никогда в гостях у Эо. Сюда добирались только проводники и то не каждый. И не у каждого были темы для бесед с Эо. Не исключено, что за тысячу лет пока существовал Хартланд, я был первым ее гостем. Дом был прост и идеален для Эо и ее образа жизни. Идеален так же, как идеально совершенное оружие или красив хищник, отточенный природой до последнего когтя. Округлый потолок в шестигранную сетку, играющий радужными переливами. Глубокое ложе у противоположной от входа стены. Круглые скамьи из вещества, похожего на твердую воду. Прозрачные и едва ощутимые, но безупречно выполняющие, то для чего они были предназначены. В центре стоял круглый плоский стол из той же затвердевшей воды. Жилище Эо напомнило мне пограничный пост. Ничего ненужного, ничего лишнего, ничего пустого

или неважного. Собственно так оно и было. Диана хранила границу между тьмой и светом. Эо была Оракулом богов, которые были непостижимы. Даже с Ши мы говорили только о Хрустальной Эо, и никогда не говорили о тех, чьим голосом говорила она.

Я вошел в жилище Эо и сел рядом с ее ложем, предполагая, что место мечника Хартленда должно быть именно здесь. Эо вошла следом и прилегла, словно день для нее был тяжелым и она сильно устала. Она видела меня только через стены своего дома и никогда не видела живым. Поэтому рассматривала с ног до головы. Он верхушки шлема до сапог с серебряными шпорами. Она потянулась рукой и потрогала за моей спиной меч в кожаных ножнах. Едва прикасаясь к рубиновым камням в рукояти, провела ладонью по оттиснутым знакам на них. Покачала головой.

– Ты ходил многими тропами, Мастер. Много видел и многое пережил. Твое тело носит в себе много ран, но ты до сих пор красив и, наверное, нравишься девам своего племени. – Я молчал. Разговор должен был начаться совсем с иных вопросов, но, как и при разговорах с Ши, я предпочитал слушать. Что может знать о мире простой мечник, Хартленда? Что может знать о нем Оракул богов второго перехода? Знать и понимать не одно и то же. Тем не менее, слушать для того, чтобы не только знать, но и понимать, меня научили те, же тропы, по которым я ходил долгие три жизни. Эо оперлась на локоть и посмотрела мне в глаза.

– Зачем тебе Терра, Мастер? В твоих жизнях я не видела ничего кроме страданий и боли. Кроме ран и преодоления. Ничего кроме бесконечной битвы. За, что ты бьешься, Мастер? Почему, падая, ты встаешь раз за разом. Тысячи, сотни тысяч раз. – Я отвязал от пояса кошель с жемчугом и высыпал его себе на ладонь. Жемчуг заиграл сполохами ярко, словно был живым и готов был открыться немедленно. Эо достала из моей ладони золотое кольцо с арабской вязью и положила его на стол.

– Это стоит того, чтобы жить, мечник? – Я забрал кольцо со стола, убрал его вместе с жемчугом в кошель и не спеша привязал его к поясу.

– Нет, Эо. Мечников Хартленда, часто волнует иное...

– И что же?

– Что может стоить того, чтобы за это умереть... – Эо присела на ложе и наклонилась вперед.

– Я хочу предложить тебе сделку, Мастер. – Я глубоко вздохнул. Похоже, что Эо совершенно не интересовала судьба Терры.

– Я слушаю тебя Эо. – Я посмотрел ей в глаза, огромные, голубые с темными крапинами под крылатыми бровями. Эо взяла одну из бабочек своего наряда. С крыльями в зеленоватых прожилках и пустила ее к потолку.

– Это Терра, мечник. Ты хотел знать кто мы. И я могу задать тебе вопрос, в котором, может быть будет и ответ. Что ты видишь? – Я опустил голову. Совсем не то я хотел и слышать и говорить. Но мне ли спорить с богами?

– Я вижу красивую бабочку Эо. – Эо покачала головой.

– Ты видишь глазами, Мастер, попробуй посмотреть иначе. – Я посмотрел на Терру, порхающую под радужным потолком, беззаботную и радостную.

– Я вижу ее полет, Эо. – Эо склонила голову на бок и улыбнулась. У меня запылали щеки. Я чувствовал себя мелким школяром на экзамене, который проваливает свой предмет.

– Почему она не падает на пол в своем полете, мечник? – Я начал злиться. Разговор казался совершенно бессмысленным и абсолютно не нужным. О чем мне хотела сказать Эо? Что я был должен понять? Я выпрямил спину и расправил плечи. Мальва ждала меня за

порогом жилища Эо, и у меня возникло стойкое убеждение в том, что я совершенно зря потратил столько драгоценного времени на то, чтобы поговорить с ней. Время... Ши говорил о времени.

– Потому, что машет крыльями, Эо... – Эо снова покачала головой.

– Мы – это воздух под крыльями твоей любимой Терры. Крылья и воздух разделить невозможно. Но, не нам решать, куда лететь этой красивой бабочке. Не так ли, Мастер? Терра рождалась и умирала тысячу раз и сейчас ей предстоит умереть снова. Может быть, в новом своем рождении она найдет путь для того, чтобы вырваться из бесконечного кольца жизни и смерти. – Я сжал кулаки. Ногти впились в ладони, вызывая боль, которая делала мысли яснее.

– Для того, чтобы у нее появились новые пути, Эо, Терра должна рождать проводников.

– Да, разумеется, мечник, и ты один из них, но у тебя сейчас есть выбор.

– Какой, Эо?

– Ты можешь забыть Терру и остаться со мной. Я избавлю тебя от боли и страданий, и мы вместе будем ждать. Мы можем ждать долго, Мастер. Бесконечно долго. У Эо есть то, чего никогда не было у Терры и ее проводников.

– Что же это, Эо? – Ты это услышал, мечник. Время. – Я поднялся на ноги. Протянул вверх руку, и Терра неожиданно села мне на ладонь. Она отдыхала от тяжелых взмахов крыльями, и мне... нет, мне не показалось. Я начал смотреть сердцем. Терра просила о помощи. Она искала убежища в моей ладони.

– Нет, Эо... У Терры должен быть шанс... Хотя бы один... Пусть и последний. – Эо засмеялась.

– И этот шанс ты, Мастер? – Я скрипнул зубами от злобы. Ким учил меня падать. Сотни тысяч раз. – Я не знаю, Эо. Никто не знает... Мне нужно время, Эо. У тебя его много. Дай мне время... Дай время Терре. – Эо взяла из моих рук бабочку и, размахнувшись, разбила ее о крышку стола. Терра рассыпалась на хрустальные крупинки, покрыв большую ее часть.

– Все, что может дать нам Терра и все миры вселенной. – Эо подняла руки вверх и бабочки, взлетев вместе к потолку, оставили ее тело полностью обнаженным. – Это следы, Мастер!!! Нас совершенно не интересуют ни ваши мечи, ни доспехи, ни каменеты, ни корабли. Зачем они нужны тем, кто не имеет тела? – Эо посмотрела мне в глаза. Они полыхали голубым пламенем. Эо была богом. Как же могло быть иначе? Но, Эо была девой, и я отверг ее. Что может быть страшнее отверженной девы? Что может быть опаснее отверженного бога?

– Чьи следы, Эо? – Эо повернулась ко мне. Обнаженная, она казалась выточенной из цельного куска ожившего мрамора. Но была также холодна.

– Но, тело есть у тебя, Эо... – Эо улыбнулась, словно насылала на меня проклятье.

– Полет бабочки – это крылья, и воздух под ними, Мастер. Ты забыл? Разделить их нельзя. – Я отвернулся и посмотрел на сетчатые стены жилища Эо. Тысяча глаз богов второго перехода. Я так стремился к ним, но, похоже, было на то, что я уже знал, что я увижу через них.

– Это песок серой пустоши, мечник. Я остановлю предопределение до тех пор, пока не увижу на столе следы Дианы и Перевозчика. – Эо вернула бабочек на грудь и бедра, поправила волосы. Девы никогда не перестают быть девами.

– Но, срок будет ограничен, Мастер.

– Чем?

– Твоей жизнью... – Другого ответа я, почему то, не ждал.

– Это невозможно, Эо. Ни Диана, ни Перевозчик не оставляют следов... – У Эо было время. И она продолжила делать то, что делала всегда. Она стала ждать. Я исчез из ее мира и стал досадной неизбежностью.

– Предопределение не изменить, мечник. Это невозможно. Значит, для того, чтобы Терра сошла с тропы предопределения тебе придется сделать невозможное.– Я молчал. Молчала и Эо.

– И как это осуществить, Эо? – Эо смотрела сквозь стены своего дома, и рассматривала что-то только ей понятное, и ясное. Может быть, она видела, что через тысячу лет к ней с теми же вопросами придет, мечник другого мира, и она скажет ему, то же самое. Она пожала голыми плечами.

– Терра потеряла то, что делает ее Террой. – Я понял, что беседа с Оракулом богов второго перехода Хрустальной Эо завершена. Я встал, как привык за сотни лет, осмотрел снаряжение. Поправил перевязь с висевшим за спиной клинком.

– Ты дашь мне тысячу глаз, Эо? – Эо удивленно посмотрела на меня.

– Зачем тебе тысяча глаз, мечник? То, что утеряно через них увидеть нельзя. Ты же проводник, неужели ты об этом не знаешь? Утерянное ищут на старых тропах.

– Я хочу увидеть предопределение Терры, Эо. – Эо, досадливо взмахнула рукой.

– Смотри, Мастер. Я видела это тысячу раз. Не думаю, что для тебя это будет чем-то новым. – Стены домика Эо засияли радугой, цветными сполохами, неярким светом и я увидел... Да... Я увидел то, что ожидал увидеть. Война шла всегда. С самого начал времен. Павших было иногда больше, иногда меньше. Но сейчас небо было багровым не только над серой пустошью. Небо было багровым над всей Террой. Солнце едва пробивалось через тучи и освещало целые груды павших. От горизонта до горизонта. И никто уже не шел следом...

– Как я узнаю, идет ли Терра новой тропой, Эо? – Эо раздраженно пожала плечами.

– Я дам тебе глаза, мечник – вот эти. – Эо указала на одну из фасет своего дома, неправильный шестигранник мгновенно окрасился серым цветом. – Ты все увидишь сам.

Я поклонился Эо, не сказав ни слова, вышел из ее жилища под яркие лучи солнца в голубом небе. Мальва насытилась и спокойно стояла у входа, ожидая всадника. Я накинул уздечку, вскочил в седло и повернул лошадь в густые тени от стен дома Эо, выкрасившие траву почти черным. Дорога из желтого кирпича, ведущая обратно к домику Вечного Ши была удобна, но бесконечно ожидать могла только Эо. Оракул богов второго перехода Хрустальная Эо дала мне не настолько много времени для того, чтобы я не дорожил им. Скользить среди теней было короче.

Разумеется, Ши ждал меня. Я усмехнулся. Все меня ждут. Всем я стал, почему то нужен. Я вышел из теней прямо перед босыми ступнями Ши, который стоял на желтых кирпичах, похожий в своей неподвижности и безмолвии на одно из каменных изваяний, окружавших его дом. С трудом осадил ослепшую от яркого солнца Мальву, едва не задев крупом своей лошади склоненную голову своего лекаря. Перекинув ногу через луку седла, соскочил на землю.

– Если ты сломаешь себе ногу еще раз, то я сделаю ее деревянной. По крайней мере, мне не придется снова тебя лечить. – Ши оставался Ши. Вечным и любимым. Судя по его доброй воркотне, ему стало легче.

– Что показывают весы, Ши? – Я подошел ближе, взял своего друга под локоть и посмотрел ему в глаза. Они были спокойны. Я не увидел в них ни боли, ни упрямства, ни

отчаяния. Морщины усталости разгладились, и Ши перестал выглядеть старым. Это радовало.

– Они будут показывать то же самое, Мастер, до тех пор пока ты не найдешь то, что нужно найти. – Ши пошел вперед к своему домику под красной черепичной крышей, а неторопливо следовал за ним. – Карпы не оживут, пока не оживет Терра, мечник. Насколько я понял – Эо остановила предопределение. Только я не знаю, чем ты это заплатил. – Он пропустил меня вперед. Я прошел внутрь, задев головой вечный бамбуковый колокольчик, отозвавшийся глубоким звоном, снял шлем и меч, сел на привычную низкую скамью. В домик Ши вернулось тепло и уют. Я осмотрелся по сторонам и прислушался, кварцевые сады пели спокойную ровную ноту. Словно орган на самых тонких трубах. Ши прошел вперед. Привычным жестом гостеприимного хозяина поставил передо мной чашку из тонкого хрустального фарфора, налил в нее чая и сел, поджав ноги. Он стал моим учителем и, разумеется, я молчал. – Почему ты не остался с Эо, Мастер? – Я сделал глоток и почувствовал некоторое успокоение. Возможно, Ши добавил в чай своих волшебных трав.

– Это не спасло бы Терру, Ши. – Я покачал головой. Кварцевые сады не настолько умны, чтобы видеть Эо настолько лет вперед. – Терра – всего лишь часть ее хрустального платья, состоящего из сотен миров. Одним больше – одним меньше. Богов второго перехода не интересует сколько их. Они были всегда и будут всегда.

– Значит, ты отверг ее. – Я кивнул.

– Отвергнутый бог. – Произнес Ши. – Что может быть ужаснее? Ты видел предопределение Терры?

– Да, Ши. Война шла всегда. С самого начала времен. Терра гибла тысячу раз и погибнет снова.

– Что хочет Эо за то, чтобы Терра смогла сойти с тропы предопределения? – Я сделал длинный глоток. Покачал головой.

– Следы, дружище. Следы на серой пустоши. Она разбила Терру о свой стол в хрустальный песок, и теперь может видеть пустошь так же хорошо, как если бы она была у нее в доме.

– Чьи следы, Мастер?

– Дианы и Перевозчика... – Ши замолчал. Молчал долго. – Это невозможно... Носящая за спиной черный меч, и повелитель белой реки не оставляют следов. – Я пожал плечами.

– Это условие Эо. Мне ли спорить с богами, Ши? – Ши передернул плечами.

– И сколько она тебе дала времени на то, чтобы ты исполнил ее условие? – Я улыбнулся.

– Пока я жив, Ши... Теперь тебе придется трудиться втрое усерднее для того, чтобы я мог переставлять ноги. – Ши покачал головой и смотрел на меня словно на расшалившегося ребенка.

– Я не смогу сопровождать тебя, Мастер, ты же знаешь. – Я, соглашаясь, кивнул, и сделал длинный глоток чая, приводя в порядок мысли и ощущения.

– Кварцевые сады не могут долго обходиться без зрителя. Я все понимаю, Ши. – Ши встал, подошел к длинным полкам на стенах и стал там что-то искать. Вытащил из кучи давно ненужного хлама чилийскую свирель. Нежно вытер с нее пыль рукавом золотой тоги.

– Это, наверное, самые глубокие следы, которые еще не смыл прибой белой реки, Мастер. – Он снова сел на низенькую, разрисованную драконами скамейку и стал играть. Домик Ши наполнили тягучие, многослойные, почти осязаемые звуки мелодии, которую играл когда то одинокий пастух, следивший за своими козами. Эта мелодия обошла все

пределы Терры. Из края в край и коснулась сердца каждого, кто был рожден. Так уходят в вечность, написав одну мелодию, великую книгу, совершив подвиг, или положив на грубый холст яркие краски

– Да, Мастер, Эо ничего не нужно от Терры кроме следов на песке, и теперь ты знаешь почему... – Он протянул мне свирель. – Возможно, это как то поможет тебе. Ты проводник и знаешь, что...

– То, что утеряно, можно найти только на старых тропах. – Продолжил я вместо него.

– Ты пойдешь на юг?

– Да, Ши. Далеко за исток жемчужного ручья. В рыжие болота. Возможно то, что утеряно я, найду там.

– Ши встал, поклонился. – От болезни нельзя спрятаться в темном чулане. Ее нужно лечить. Мне нечего сказать тебе больше, чем я сказал, мечник. – Ши взял мою походную сумку. Положил в нее медовую лепешку, посыпанную кунжутным семенем. Пузырьки с лекарствами.. Потом достал с высокой полки коробку со светляком. Приложил к уху. Послушал, как он царапает стены своими лапками.

– Это тебе для того, чтобы найти дорогу, если затеряешься в серых тенях. Жемчуг там открыть нельзя. – Я поднялся на ноги. Надел шлем и перевязь, на которой висел меч. Передвинул его за спину. Вышел из жилища Ши под яркое полуденное солнце. Мальва, разомлевшая от жары, стояла, прикрыв огромные фиолетовые глаза длинными густыми ресницами. Породистые лошади спят стоя. Мальва была едва ли не лучшей из своего племени. Я не хотел будить ее окриком или ударом. Я подошел и обнял ее за голову, пощекотал за ушами. Достал из сумки лепешку Ши, разломил ее пополам. Благородное животное учуяло запах хлеба, и потянулось к моей ладони мягкими губами.

– Я надеюсь, ты не будешь поить своего коня моими зельями, Мастер. Лошади едят траву. – Ши, снова стал тем, кем был. Врачом с волшебными иглами из серебра, и вечным недовольством своими пациентами, на то он и был вечным. Я улыбнулся. Хотелось расстаться с ним именно так. Я привычно вставил ногу в стремя и легко поднялся в седло. Дороги, какими они бы ни были всегда оставались для меня дорогами. Безмятежным секундным безвременьем, когда можно не думать ни о чем, и не принимаешь решений. От одних ты уже уехал, но пока не приехал к другим.

– Солнце не дает теней в полдень, Ши. Я потрачу слишком много времени, если поеду по дороге из желтого кирпича. – Ши взмахнул рукавом тоги, и на землю внезапно упала черная тень от плотного облака, закрывшего солнце. Ши был богом, и я ни на секунду не сомневался в этом.

Я нашел Перевозчика в тенях достаточно быстро. Здесь на севере в них затеряться было сложно. Дорога обратно вела только к белой реке и только к вечно недовольному Перевозчику. Хорошо, что в этот раз он не будет требовать с меня платы. Платят те, кто приходит со стороны серой пустоши. У меня было, что рассказать ему. Было и то, что стоило утаить.

Он сидел на борту своей ладьи, тяжело опершись на весло, и, казалось – спал. Говорить с ним о том, что я узнал здесь на севере, пожалуй, не стоило. Мне хотелось перебраться через белую реку. Даже на серой пустоши мне все-таки, было уютнее, чем здесь. – Перевозчик!!! – Я уже спешил и стоял напротив согбенной высокой фигуры в дырявых лохмотьях. Перевозчик слепо открыл глаза и пытался рассмотреть меня.

– А, Мастер. Я думал, что борта продают мне ягодицы, пока ты соизволишь вернуться. –

Перевозчик оживился. Положил весло в ладью и стал спихивать ее на воду. – Надеюсь, тебе есть, что мне рассказать. – Я осторожно завел Мальву в судно, и, придерживая за уздечку, устроился сам.

– Не стоит беспокоить белые воды нашими беседами. Тем более, я очень соскучился по собственному телу. Кстати, как оно? – Перевозчик дернул плечами, не выпуская из рук весло.

– Разумеется, оно в порядке. Но ты так часто бросаешь его, что однажды оно тебе может и не понадобиться. – Я посмотрел далеко в сторону серой пустоши. Возникло странное и нечастое ощущение. Я возвращался домой. Каким бы ни был мой дом. Я был мечником Хартланда и даже, если вокруг него нельзя было построить стен, я всегда был стражем и мое место у его порога. Ладья ткнулась носом в песок пустоши. Перевозчик, легко перепрыгнув через борт, втащил ее на песок. Я вывел Мальву из ладьи Перевозчика и, подумав секунду, решил не убирать ее в одну из своих жемчужин. Старые тропы ждали меня, и мне не хотелось идти ими в одиночку. Я вышел из теней и с трудом поднялся на ноги в затекшем теле. Север был севером. Время там текло совсем иначе. Мне показалось, что тело пролежало здесь на холодном песке годы. Тем не менее, я растер онемевшие руки и с удовлетворением почувствовал, как они становятся теплее и кровь приливает к кончикам пальцев.

– Ты, что ни будь, расскажешь мне, Мастер? – Перевозчик стоял напротив, хмурился и переступал босыми ногами. Я покачал головой.

– Терра падет, Перевозчик. Так было тысячу раз до меня и будет тысячу раз после. – Я подошел к давно облюбованному обломку черной скалы у самой кромки белых вод и присел. Мне была нужна Диана. Говорить с Перевозчиком о его следах на песке, так же как и о следах Дианы не имело никакого смысла.

– Я видел это тысячью глаз Хрустальной Эо. Война будет последней, хранитель белых вод. – Я взял в пригоршню песок и высыпал его обратно.

– Терра падет, и все начнется сначала. – Перевозчик тяжело вздохнул и присел рядом, устало опустив на колени натруженные руки. Я продолжал.

– Эо рассказала мне о предопределении Терры, Перевозчик. Так будет до тех пор, пока Терра не найдет тропу для того, чтобы сойти с этой дороги. Тогда у нее появится шанс.

– Один... – Договорил Перевозчик. – И он, скорее всего, последний... Тебе удалось, о чем ни будь договориться с богами второго перехода? – Я с усилием растер лицо. Кровоток не восстановился полностью и я все еще с трудом шевелил губами.

– Эо остановила предопределение. Кварцевые сады Вечного Ши пока здоровы.

– Пока?

– Да, Перевозчик. – Перевозчик тяжело вздохнул.

– И, наверное, я знаю, когда Эо перестанет ждать. – Я не ответил на слова Перевозчика. Все, что ему нужно было знать, я уже сказал.

– Ты пойдешь на юг искать свою известь? – Я кивнул головой. Перевозчик удрученно поднялся на ноги и посмотрел мне в лицо. То, что я ему сказал, его не особо порадовало. Хранитель белых вод был частью Терры и был вечен как сама Терра, что для него жизнь, мечника, даже если она уже четвертая? Миг... Он, неловко подламывая ноги, поплелся к своей ладье. Потом остановился. Указал на меня узловатым пальцем и проговорил скорее печально, чем в укор или наставление.

– Найди на юге два пятака, Мастер. Ты все-таки должен заплатить мне за свой перевоз. – Он привычно забрался в свою ладью и, толкнувшись веслом, отправился в

тяжелые буруны и водовороты белой реки.

Я устал, замерз и был голоден. Не смотря на то, что Ши старательно кормил меня, здесь на песке серой пустоши мое тело требовало тепла и пищи. Я оборвал ветки кустарника, сложил их в аккуратную пирамидку и высек искру.

Мне нужны были тени, мне нужно было тепло, и мне нужна была Диана. Я дал клятву на своем оружии, что все расскажу ей и, разумеется, я должен был ее исполнить. Ши говорил, что наши знаки – белая змея и пламя парные. Вот я и проверю – услышит ли Диана мой призыв. Хотя... У меня возникло странное ощущение, что я по ней скучаю. Беда с нами мужами. Не знаем, за что любим своих дев. Не понимаем, почему им верим и почему за них умираем. Но, Эо сказала, что нужно делать должное. Похоже, было на то, что я знал в этот раз, что нужно было делать.

Черный как смоль Цезарь, с развевающейся гривой, вынес Диану из-за угловатой скалы прямо перед костром. Огонь взлетел в небо снопом искр, словно приветствовал его. Диана легко освободилась от седла и встала напротив.

– Ты звал меня, Мастер? – Диана поменяла свое платье из черного шелка в алых маках на доспехи. Высокие кожаные сапоги для верховой езды с золотыми шпорами. Короткая юбка из стальных пластин, изрисованными древними рунами. Легкий стальной панцирь, в котором яркими сполохами отражался огонь. Наплечники в виде крыльев черного ворона. Не высокий шлем, похожий на шлемы пустынных воинов в легком кольчужном обвесе. Привычный черный меч за спиной. Если говорить о том, что она была красива – разумеется, не сказать ничего. Оружие в руках воинов-дев всегда выделяло их среди прочих. Доспехи на их телах выглядели иначе, чем тяжелые кольчуги на широких плечах мечников. Наверное, так же красивы смертельно опасные змеи в густых и сырых лесах, изрисованные яркими узорами и пятнами. Может быть...

– Присядь, Диана. Нам есть о чем поговорить. – Я не чувствовал в своем теле боли и страха. Возможно, это действовали лекарства Ши. В любом случае это означало то, что последний бой с Дианой на какое-то время отложен. Диана присела на корточки с обратной стороны костра и протянула к огню растопыренные пальцы. Я был удивлен этим. У Дианы за спиной черный меч. Зачем ей понадобился огонь? Диана посмотрела на мое удивленное лицо и смутилась.

– Я уже не помню тепла, Мастер. Мне показалось, что в этот раз я смогу почувствовать его. – Я промолчал. Мы были разными сторонами одной силы, и границу между нами пересечь было нельзя. Но Ши говоря о парных метках и о том, что он дает их лишь немногим, навел меня на одну мысль. Я качнул головой. Когда не можешь видеть умом, глазами, остается последнее – посмотреть сердцем.

– Спрашивай, Диана. – Диана смотрела на пламя и молчала. Я не знал, о чем она думает, и не мешал ей. Если собрать вместе девяток ждущих ребенка он от этого не родится через месяц. Вопросы должны созреть. Она глубоко вздохнула. Сняла свой шлем и положила рядом с костром. Поправила свои смоляные кудри, откинув назад голову.

– Она красива? – Я пожал плечами. Почему то я и не думал, что первый вопрос будет другим.

– Если ты о Хрустальной Эо, то да разумеется. – Диана все-таки оставалась девой, кем бы она ни была сейчас. Но мне показалось, что вопросы, которые она стала задавать очень и очень верные. Ведь важно не то, что она говорила. Важно то, что она чувствовала. – Она прекрасна настолько насколько прекрасны белые кристаллы на деревьях кварцевых садов

Вечного Ши, Диана.

– Почему, ты не остался с ней, Мастер? Ты по-прежнему нравишься девам, и даже седина в твоих волосах не мешает их желанию быть с тобой рядом...

– Я не хочу быть богом, Диана. За мной идут четверо. Терра их дом, а я страж у его порога. Неужели я выпущу из рук свой меч, когда пришла беда?

– Ты бы мог жить вечно, Мастер. – Диана посмотрела мне в глаза.

– Это не стоит жемчуга в моем кошельке... Ничто не имеет смысла, если некому идти за тобой следом, Диана. Города будут пусты, и Терра превратится в песок, каким и была тысячи лет назад.

– Это сказал тебе Ши?

– Нет, это я увидел в домике Хрустальной Эо. Терра падет. Так было тысячу раз до меня и будет тысячу раз после.

– Что хочет Эо? – Я пожал плечами. Я не хотел говорить Диане о следах. Для того чтобы произошло невозможное, нужно и делать невозможное. Я соврал, Диане, не смотря на клятву, данную на своем клинке.

– Ничего... – Я подбросил несколько тонких ветвей в костер. Пламя легко приняло их и поднялось выше, я чувствовал жар на своем лице и быстрый ток крови в теле. Метка пламени ничего не давала мне кроме родства с огнем. Метка была бременем. Но кому дано с того и спросится. Так было с начала времен. Если я носил на спине метку Ши, то моя жизнь никогда не будет легкой. Как, собственно, это и было с того момента когда я открыл глаза.

– Она просто будет ждать, Диана. Ждать столько сколько потребуется. Год. Век. Будет ждать до тех пор, пока Терра не сойдет с пути предопределения... – Диана свела брови над переносицей.

– А Ши? Он сможет остановить предопределение? – Диана тревожно посмотрела мне в лицо. – Что он сказал?

– Ши сказал, что если весы покажут десять, то он ничего не сможет сделать. Терра падет. Поэтому когда у него кончатся силы, он сделает Терру счастливой. Всех. Каждого без исключения. У тебя и Перевозчика почти не будет работы. – Диана положила подбородок на колени и обняла ноги руками. Огни костра блестели в ее глазах, и мне показалось, что она так и не услышала меня.

– Всегда счастливы лишь безумцы. Ты хочешь стать безумным, Мастер? – Я молчал.

– Твои ручьи крови иссякнут, следы смоем белый прибой. Города опустеют, и шмели на твоих холстах перестанут собирать мед для шмелей.

– Нет, Диана. Города по прежнему будут полны и люди наконец-то станут счастливы как они того желали с момента когда появились на свет.

– Но, они перестанут искать тропы, рожать учителей и проводников. Перестанут чтить титанов. Они перестанут смотреть на звезды. Они перестанут жить... – Я кивнул.

– Я видел многих из них, Диана. Они не задаются вопросами и не ищут смыслов. Они просто трава, выросшая на груди Терры. Но, они будут счастливы. Останутся ли они людьми – я не знаю.

– Ты хочешь быть травой? Ты, Мастер. Мечник Хартланда. Архитектор Учитель и Проводник. Ты, который носит на плече звезду второго высшего иерарха? – Диана усмехнулась криво и отвернулась, разглядывая каменную осыпь неподалеку.

– Нет... Но, разве трава знает, что она трава?

– Я бы никогда не пришла к тебе, если бы ты улыбался каждый день и радовался только

хлебу и солнцу. У травы не может быть тропы, и она не ищет путей. – Диана взяла кривую ветку из костра, и стала бездумно рисовать на песке какие-то знаки. – Жемчужный ручей погаснет и идущие путем познания и поиска смыслов перестанут собирать и хранить веками его сияющие искры... – Она склонила голову и вдруг, словно что-то осознав, посмотрела на меня в упор.

– Я перестану быть воином, и мне придется косить траву?

– И твой поцелуй, Диана, перестанет быть поцелуем. Траве безразлично – косят ее или целуют. – Диана молчала, словно превратилась в каменную статую. Возможно, она представила Терру... Пустую Терру с городами полными счастья. Она закрыла лицо руками... Наверное то, что она увидела в своем воображении было не многим лучше того чего она опасалась больше всего.

Я внезапно услышал странные звуки и повернулся на их источник. Мальва и Цезарь тонко ржали, положив головы на шеи друг другу. «Если ты вернешь себе вторую жизнь, то вы от радости перевернете Терру вверх тормашками...». Ши был хорошим учителем. Перевернуть Терру «вверх тормашками» дано не всем. Стоило попробовать, но немного иначе. Я взял шлем Дианы, лежащий у костра, и звякнул кольчужным обвесом. Диана вышла из своего оцепенения и посмотрела на кольчугу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5km>